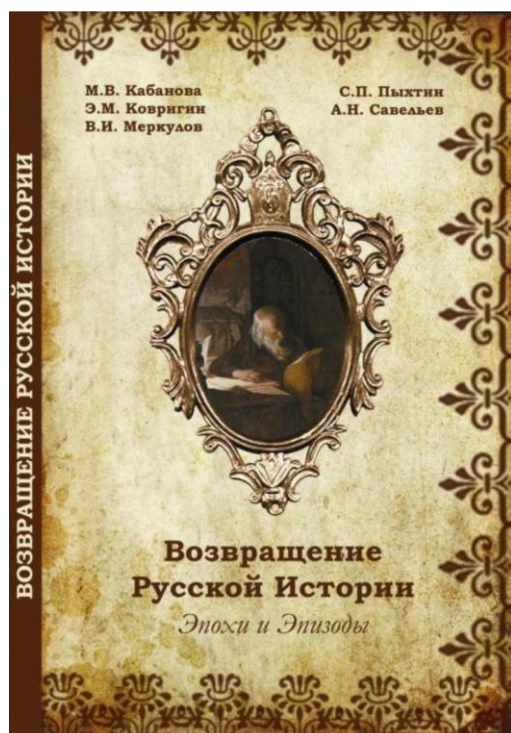

Возвращение русской истории

Заказ электронной книги у составителя - savliy@gmail.com

Цена - 50 р.

Книга «Возвращение русской истории» иллюстрирует историю России в эпизодах - как хорошо известных, так и еще недостаточно изученных. Целью авторов является сохранение исторической правды, которая защищает величие России от поругания со стороны фальсификаторов. Русская история, как показывают авторы, даже в эпизодах предстает как величественная эпопея, полная триумфов и трагедий, загадок и откровений.

Большинство статей ранее публиковалось в сокращенных версиях в журналах «Русский дом», «Москва», «Золотой лев», историческом ежегоднике «Клиония».

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Красная нить русской истории. Переключки эпох

Смысл русской истории (А.Н.Савельев)

Реконкиста по-русски (С.П.Пыхтин)

Русская традиция и русская революция (С.П.Пыхтин)

Конец династии или конец истории? (А.Н.Савельев)

Формула русской жизни (С.П.Пыхтин)

Болезнь столетия (С.П.Пыхтин)

Модели русской государственно-общественной организации (С.П.Пыхтин)

Русские территориальные уступки (С.П.Пыхтин)

М.В. Ломоносов и сбережение русского народа (В.И.Меркулов)

II. Рюриковичи. Великокняжеская эпоха

Этногенез праславян (А.Н.Савельев)

Славяне и русь (А.Н.Савельев)

Об одном названии Руси и русских в источниках (В.И.Меркулов)

Правдива ли летописная легенда о Рюрике? (В.И.Меркулов)

Не посрамим земли Русской! (В.И.Меркулов)

Введение христианства на Руси (В.И.Меркулов)

Как Киев стал окраиной Руси (В.И.Меркулов)

Князь Александр и Невская битва *(В.И.Меркулов)*
Вехи на пути к Третьему Риму *(Э.М.Ковригин)*
Через Смуту к новой династии *(Э.М.Ковригин)*

III. Под скипетром Романовых. Имперская эпоха

Помнить Петра Великого *(С.П.Пыхтин)*
Боярин Шеин - первый русский генералиссимус *(С.П.Пыхтин)*
От царства к империи *(В.И.Меркулов)*
Измаил - триумф русской армии *(А.Н.Савельев)*
Слава Платову-герою! *(В.И.Меркулов)*
Священный союз - мечта о христоролюбивой Европе *(А.Н.Савельев)*
Польский мятеж против России *(А.Н.Савельев)*
Империя поглощает Кавказ *(А.Н.Савельев)*
Заговор против Русской Америки *(С.П.Пыхтин)*
Манифест о даровании крепостным прав свободных сельских обывателей *(С.П.Пыхтин)*
Верховная власть и террор *(А.Н.Савельев)*
Народовольцы против Империи *(А.Н.Савельев)*
Александр III - истинно русский император *(С.П.Пыхтин)*
Непроигранная война *(А.Н.Савельев)*
Правда о «черносотенцах» *(В.И.Меркулов)*
Как Столыпин поссорил мужика с царем *(С.П.Пыхтин)*
Первая мировая и ее уроки *(С.П.Пыхтин)*
Думская монархия - компромисс на закате эпохи *(Э.М.Ковригин)*
Февраль 1917 года и крах самодержавия *(С.П.Пыхтин)*

IV. XX век. Советская эпоха

Кронштадт: мятеж уставших от войны *(А.Н.Савельев)*
Антоновщина - трагедия бессмысленного бунта *(В.И.Меркулов)*
Убийство Кирова: крах романтического большевизма *(А.Н.Савельев)*
За десять лет до войны *(А.Н.Савельев)*
Алексей Стаханов. Жизнь, загубленная пропагандой *(А.Н.Савельев)*
У истоков чеченского мятежа *(А.Н.Савельев)*
Русско-финская война в исторических интерпретациях *(С.П.Пыхтин)* Начало Великой войны *(В.И.Меркулов)*
Танк с русской душой *(А.Н.Савельев)*
Неправда о войне *(С.П.Пыхтин)*
Цена Победы 1945 года *(С.П.Пыхтин)*
Нюрнбергская ловушка *(С.П.Пыхтин)*
Потсдам: попытка «демократического» передела мира *(А.Н.Савельев)*
От разоблачения Сталина до разоблачения Хрущева *(М.В.Кабанова)*
Оружие космического века: от искусственного спутника к ядерному щиту *(А.Н.Савельев)*
Августовский путч и распад Советского государства *(М.В.Кабанова)*

У. В защиту русской истории

Русофобские эксперименты с историей (А.Н.Савельев)

Граненая ложь (А.Н.Савельев)

Навет на русскую историю (С.П.Пыхтин)

Правовые манипуляции и селективное сострадание (С.П.Пыхтин)

Какая история нужна государству Российскому? (В.И.Меркулов)

Краткое предисловие

История России еще не написана и не усвоена современным российским обществом. Она разорвана идеологическими предпочтениями, искажена злобными хулителями, опошлена литературными выдумками.

Авторы ставят своей целью соединение русской истории, осмысление ее как величайшего достояния России. Наша история - это Божий дар, данный нам для будущего. Принять этот дар - значит оживить современность как продолжение опыта предков. Наше богатство столь велико, что каждый год мы можем отмечать памятные даты своей истории, увязывая с ними свои планы и осмысливая текущие события.

История России наполнена могучими фигурами государственных деятелей, для которых слава Отечества и польза народа - высшие задачи государственного управления, а православная вера - источник моральных мотивов, лежащих в основе любого государственного решения. Они должны быть отмечены по достоинству.

Авторы

I. Красная нить русской истории. Переключка эпох

Смысл русской истории

Русская религиозная и философская мысль давно уже определили судьбу русских как народа, удерживающего мир от торжества “тайны беззакония”, а потому переваривающего в себе все локальные “апокалипсисы”. Именно поэтому русские видение истории - трагический оптимизм, в котором присутствует понимание неизбежности локальных поражений и уверенность в финальной победе Христа в Своем Пришествии. От этого и традиционный образ русского человека как воина и пахаря, на котором “вся тяга земная”.

Путь России, как его видел Г.П.Федотов, - не латинство, не басурманство, а эллинизм: «Наш дикий черенок привит к стволу христианского человечества именно в греческой ветви его, и это не может быть незначущей случайностью». «Именно в Греции и больше нигде связываются в узел все пути мира. Рим — ее младший брат и духовный сын, ей обязанный лучшим в себе. Восток и на заре, и на закате его истории — и в Микенах, а в Византии — обогащает своей глубиной и остротой ее безукоризненную мерность, залог православия. Чем дальше, тем больше мы открываем в эллинизме даров Востока. Нам не страшен ни Восток, ни Запад. Весь мир обещан нам по праву, нет истины, нет красоты, которой бы не нашлось места во вселенском храме. Но каждому камню укажет место и меру тот зодчий, который подвесил в небе «на золотых цепях» купол святой Софии».

Россия соединила в себе (точнее, обязана соединить, исполняя свою историческую миссию) проект римской имперской государственности и проект мировой эллинической культуры, которые в иных местах существовали порознь. В русской истории и русском правящем сословии отразилось величие Рима - наше преемство не только от Византии. Рим вознесся над профанной историей - войнами полисов, размытостью этических принципов, поверхностной логике событий. Рим вознесся над всем этим в своем государственном смысле, уступив в художественных достоинствах греческой культуре, но не потеряв ее. Без Рима древнегреческая культура осталась бы археологическим достоянием потомков, Иерусалим - историческим захолустьем, и даже Египет был бы затянута песками истории. Рим связал прошлое с современностью единым смыслом, открывшимся во всем великолепии в Византии и переданном по наследству Москве.

Древность русского рода объясняет и оправдывает русский мессианизм, который есть смысл русской истории. По мнению Бердяева «мессианизм есть основная тема истории — истинный или ложный мессианизм, открытый или прикрытый. Вся трагедия истории связана с действительностью мессианской идеи, с постоянным двоением ее в человеческом сознании». Ложные толкования русского мессианизма, разумеется, должны преодолеваться, истинные - собираться и складываться в

концепцию, порождающую русскую национальную мифологию.

Смысл современной русской истории отражен в мысли Н.Я.Данилевского: «Прогресс состоит не в том, чтобы все шло в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности, исходило в разных направлениях». Россия исходила это поле вдоль и поперек, найдя для себя и других впечатляющие исторические уроки. Проблема состоит в том, чтобы усвоить эти уроки.

Вероятно главный урок русской истории - трагедия утраты русскими собственного государства, своей веры и непрерывности своей истории. Последние сто лет - это история отпадения русских от понимания задач государства, от православной веры и памяти предков, история трагических последствий этого отпадения и их осознания.

Смута в русском духе произошла от увлечения европейскими идеями Просвещения, либерализма и гуманизма. Внесенные на русскую почву они дали ядовитые плоды - денационализированную разночинскую интеллигенцию, породившую марксистские кружки и чудовище большевизма.

Большевики не только столкнули русских между собой в гражданской войне, не только уничтожили цвет нации - ведущие сословия, но и смутили русское самосознание интернационализмом. В результате страна была перепахана этническими границами, по которым и была расчленена в 1991. К власти прорвались русские нигилисты, китайские добровольцы, еврейские «образованцы», латышские стрелки и сонмище прочих участников вселенского интернационала оторвавшихся от собственной культуры.

Русской идее глубоко противен всякий интернационализм. Свое вселенское служение Россия обретает как самобытная страна и уникальное государство - империя, соединяющая многие народы под водительством русских. Утверждение Достоевского о «всечеловечности» русских к интернационализму не имеет никакого отношения. В «Дневнике писателя» Достоевский недвусмысленно дает понять, что всечеловечность - это власть русских. На этом стояли все русские философы XX века - от К.Леонтьева и С.Булгакова до Г.Федотова и И.Ильина, для которых государственное измерение русской идеи всегда означало русское лидерство, выверенное не по крови, а по духу.

Большевики осуществили разрыв русской истории изуверской ритуальной казнью Николая II, его семьи и верных слуг. Растоптать русскую историю, русское понимание государства как Большой Семьи и понимание роли Самодержца как отца для своих подданных, заставить видеть в истории только кипение масс, движимых собственным эгоцентризмом, лишить русских понимания Отечества - вот цель, которую ставили перед собой разорители Русской Земли. Они многого достигли, пока сами не легли под поднятый ими же топор. И Россия возродилась как советская империя - без русского национального начала, но с властью, знающей ценность суверенитета и готовой биться за него.

Теоретическим «достижением» большевиков, предопределившим болезни не только советского периода, но и современные, стало уничтожение

такого понятия, как «великоросс». В результате смешались понятия об этнической и национальной природе русских. Оказалось, что малороссы и белорусы - уже не русские. До сих пор мы не можем восстановить нормального понимания того, что русские - это нация, состоящая из трех основных русских этносов (великороссы, малороссы и белорусы), ряда малых этносов (русины, поморы и др.), а также из обрусевших представителей иных этносов.

Спасением России от гибели в мировой революции и мировой войне стал приход на смену большевикам когорты сталинских «меченосцев», искрошившей прежний интернационал, но оставивших многое из прежних догматов большевизма - прежде всего, его нерусскую сущность, его изобретение «новой общности», «нового человека», его бюрократический характер в управлении. Только в годину испытаний Великой Отечественной войны на словах Сталин вспомнил русских полководцев. Празднуя Победу он поднял тост за великий русский народ. Русскими жизнями в мире и войне оплачивался авантюризм и некомпетентность советской номенклатуры. Мы должны помнить это, склоняя головы перед военным подвигом русского солдата, гражданским подвигом русского ученого и инженера, трудовым подвигом русского рабочего и крестьянина. Русский гений в послевоенные годы обеспечил технологический прорыв СССР и его ведущую роль в мировых событиях. Но советская антинациональная бюрократия выхолостила этот успех, надорвала силы русских, опоила русских лицемерием застойных лет и породила «демократическую революцию» и стремительное разрушение русского исторического и хозяйственного достояния, сохранившегося под спудом советской власти.

Утрата Традиции не может не ощущаться как конец Истории. Тому, кто осознает опасность гибели своего народа и своего государства продолжение истории без них теряет всякий смысл. Россия не раз походила к краю пропасти, ощущая всем своим существом возможность небытия. Обращение к опыту преодоления Смута, отражения самых страшных нашествий дает нам силы верить, что история России не исчерпана.

Ответственный гражданин не может не понимать, что государства и цивилизации смертны точно так же, как и люди. Поэтому признаки упадка государства - бесспорный сигнал опасности. Сравнивая нынешнее положение России с тяжкими периодами ее истории, мы надеемся, что Россия спасется, как это не раз бывало. Но не стоит ли при этом уповать на стойкость русского народа, а взять опыт истории как прямую рекомендацию для сегодняшнего дня? Увы, на такой шаг ни власть, ни общество сегодня не могут решиться.

Проще всего объяснить упадок государственности как следствие упадка нравственности. Такое объяснение истинно, но очень опасно остановиться на нем, не проявив понимания того, откуда берутся нравственные нормы и как они воплощаются в хозяйственных и общественных институтах. «Общечеловеческие», как будто исходно существующие нормы жизни - это выдумка. Таковых никогда не

существовало. Нравственность всегда соответствует Традиции, устоявшимся, а иногда вводимым самыми жесткими мерами, правилам. Традиции государственного управления представляют собой совокупность проверенных рецептов, которые необходимы для жизни данного государства и наиболее эффективны именно для него.

Переживая эпоху «реформизма» - нигилистического отношения к государственной Традиции, мы проводим опасный эксперимент, дав убаюкать себя сказками о перспективах «модернизации» - якобы, стоит только отбросить все традиционное, и условия жизни тут же изменятся к лучшему. Как это всегда бывает в истории, результат оказался обратным.

Особенное положение России сегодня - это присутствие в глобализированном мире, который не просто отрекается от национальных традиций, но и стремится уничтожить государство - дом, где традиция может быть восстановлена, сохранена и защищена. Разгосударствление мира выдается за его освобождение. Эта концепция - всего лишь иная интерпретация прежних идей о «конце истории», объявивших о том, что поиски правильного устройства человеческого общества завершены и нашли совершенную форму в западном либеральном государстве. В нем же, как полагают либеральные теоретики, только и можно спастись от смешения с дикарями, отразив их набег в «столкновении цивилизаций» и устроив жизнь «золотого миллиарда» - полноценного общества среди неполноценного человечества.

В рамках этой концепции традиционное государство с его национальной культурой и собственным историческим опытом считается уходящей сущностью, поскольку стирание границ между народами кажется либералам естественным и гуманным. Вместе с тем, выгода от неуклонной деградации национальных суверенитетов распределяется далеко неравномерно в грядущем «мировом государстве». В нем уже наметились иные границы, которые имеют не только пространственное, но и национальное выражение.

Русские вряд ли смогут согласиться отдать свое историческое достояние в руки невесть откуда взявшихся ценителей, которые выберут из него что-то по своим критериям, а остальное отбросят. Обменять место для избранных в «золотом миллиарде» в обмен на отказ от собственной истории и культуры для нас дело невозможное. Наша Традиция сообщает нам совершенно другую миссию - миссию «удерживающего» от вселенского хаоса. То есть, русское дело состоит как раз в обратном - в сопротивлении глобальному культурному и политическому выравниванию мира, в сохранении собственной самобытности, не отгороженной от остального мира, но и не растворенной в нем. Русская вселенскость и православная соборность подготавливается русской самобытностью, в которой вечные ценности отражены в частных, национальных. Обустроивая в опоре на эти ценности ядро русской цивилизации, мы можем разворачивать и собственный политический проект как образец возрождения Традиции.

При этом Традиция не должна истолковываться исключительно как

культурное явление - только как хранитель заветов умерших цивилизаций. Традиционализм - это внутреннее направление мировоззренческого служения Традиции. В политическом «срезе» мировоззрения возникает национальная форма консерватизма внешняя форма мировоззрения.

Православные прекрасно знают, что ценности современной либеральной демократии идут вразрез с нашей традицией. Напротив, идея Царства, православной монархии, идея симфонии Церкви и Государства более всего отражены в христианском мировоззрении. В этом смысле Традиция в современной России может проявляться только как *реакция* - системно выстроенный ответ на революционные мутации социума. Истинная традиция противостоит не только социальной революции, но и социальному модернизму.

Чтобы иметь перспективу установления в России традиционной государственности - пусть не впрямую монархии, но строя, основанного на монархических принципах - следует понять паразитическую сущность как либерализма, так и социализма, возвышающихся только за счет низложения традиционных форм жизни и подрыва государственного могущества.

Для русского интеллекта всегда было непросто объяснить и взвесить сочетание самобытности и вселенскости русского народа, а для государственных мужей - уберечь страну от уклонений либо от вселенского, либо от родного. Проблемы мировоззрения всегда вращались вокруг неоднозначной идеи «народа» и «народности». Между тем, идея народа всегда и всюду является заведомо незрелой, покуда он воспринимается как этнографический субстрат, оформленный государством. Зрелое содержание идеи народа состоит в представлении о родовой солидарности и священной родовой истории, которая может быть сохранена от разрывов только под сенью Церкви - в общине «народа Божиего», где народ вызревает в нацию - сверхродовое единство в культе и культуре.

Русский национализм имеет следствием русское национальное государство, но не замкнутое в себе и враждебное другим народам, а открытое имперскому строительству. В русской православной империи Россия обустроивается для русских, но не только для них. Имперский противовес узкоэтническому национализму и вселенский противовес православной веры, смиряющий заносчивость элит, создают национал-имперский синтез, когда обустройство России для русских становится одновременно обустройством России и для других коренных народов.

Имперская константа в русской идеологии важна тем, что дает священству и церковному народу то поприще, на котором невозможно впасть в «протестантизацию» и утратить размах русской духовной миссии. Теократический характер идеи Империи содержательно наполняет Государство, обогащает его смыслами, восстанавливает центростремительные процессы, собирает Русь после очередной Смуты и дает силы для нового геополитического и мировоззренческого наступления, реванша русской государственности.

В этом видении пути от либеральной демократии к русской Империи

обозначается политический проект возрождения исторической России, отличный от прочих имперских проектов (прежде всего - от проекта «либеральной империи» США). Имперский проект для России - это одновременно и возвращение к своей миссии, и шанс для человечества не допустить «конца истории», измельчания политики до ничтожных дрызг и мышинной возни частных эгоизмов. Православная Империя - это универсалистский проект, противостоящий глобализму, глобальной Антиимперии, нивелирующей все культурные различия и стирающей все традиции.

Для условий современности самая напряженная идея русского бытия - идея воссоединения. Воссоединение территориальное - как политическая задача, воссоединение истории - как нравственная задача. Внутреннее воссоединение - как преодоление «титульного» федерализма, внешнее воссоединение - как возвращение в единое государство Российской Федерации, Белоруссии, Украины и Казахстана, а затем и других самостоятельных частей прежней русской Империи.

Воссоединение России в любых его формах - это путь из Смуты, возвращение исторически обусловленных рубежей русского мира, возрождение русской цивилизации как явления, определяющего судьбы человечества.

Ужаснувшись масштабам утрат для Русской цивилизации, мы не должны впасть в пессимизм, ибо у русской истории есть и оптимистическое прочтение, а значит - оптимистическое продолжение. Оно - в возрождении традиций православной веры, имперской государственности и национальной самобытности.

Русским нет смысла выдумывать свою историю. Она насыщена до предела, она выверена русской исторической наукой в предшествующие периоды и полностью готова для современного осмысления. Главное, чтобы русские историки, мыслители, образованные слои общества видели бы правду на стороне монархии в феврале 1917, на стороне советской армии в Великую Отечественную войну, на стороне СССР во время Беловежья, на стороне защитников Конституции в октябре 1993, на стороне российской армии в Чеченской войне.

Судьба России на переломе. В будущем веке Россия может быть только русской (русским национальным государством, преемницей исторических форм общежития и права Российской Империи, русского самодержавия) или ее не будет вообще.

Реконкиста по-русски

Окраины могут быть только у великих держав. Казалось бы, мысль эта до банальности проста. Но мы, русские, так к ней привыкли, что уже не замечаем, каким глубоким смыслом она для нас обладает. Понятие окраины может возникнуть лишь в политическом самосознании нации, обладающей

государством с большими, многотысячекилометровыми пространствами. Помимо России они были на Западе только у Речи Посполитой (до ее раздела в XVIII веке) и на Востоке - у Китая.

Наличие пространственных окраин создает условия для возникновения и осознания - как простолюдными, так и господствующими классами - государственного центра. Это такая территория, которую традиционно обживал и заселял преимущественно государствообразующий народ «откуда есть пошла русская земля», как указывала русская летопись.

Понятие центра при этом не надо понимать буквально. Это не геометрический центр с географической точки зрения. Но именно с него начинается отсчет создания государства. Для Франции это область Франш-Конте, для Испании - Кастилия и Арагон, для Германии - земля Бранденбург, для современной России, современный суверенитет которой может отсчитываться с 1480 года («стояние на Угре», окончательно избавившее Русь от вассальной зависимости от Орды), - это Владимиро-Суздальское княжество, частью которого является и Москва. Для русских «как известно, вся земля начинается с Кремля». *Обретая политический центр, государство становится главным строителем нации.* Если государство является отцом нации, то жизненное пространство - ее мать.

Отношения, возникающие между центром и окраинами, всегда достаточно сложны и, как правило, необыкновенно противоречивы. Тиши и глади между ними никогда не бывает. Как показывает опыт истории, жители окраин, если их не обуздывать, всегда стремятся к той или иной степени самостоятельности, автономности и, при подходящих обстоятельствах, сепаратизму. Окраины всегда либо оказываются на периферии развития государства, частью которого они являются, либо становятся объектом первоначальной экспансии, если становятся объектом вооруженного нападения. Все внешние опасности, с которыми может столкнуться государство в случае агрессии, сначала испытывает на себе его окраина, и лишь потом, если обстоятельства неблагоприятны, - центр. Во всяком случае, так было до тех пор, пока не появились мобильные средства ведения военных действий, что на гораздо более мелких объектах агрессии продемонстрировали войны конца XX - начала XXI столетий.

Окраины трудно приобрести, но легко потерять. И если между государствами возникает длительное противостояние, перемежающееся войнами с неопределенным исходом или договором о «вечном мире», который нарушается при первой возможности, то такие области зачастую переходят по нескольку раз из одного государства в другое. В истории послеордынской России такой была судьба ее западных, южных и северо-западных окраин, которые являлись объектом передела после каждой русско-польской, русско-турецкой или русско-шведской войны. Война в защиту окраин, как правило, не знает компромиссов. Вот почему не центр страны, а именно окраина оказывается зачастую государственным символом. И если борьба за удержание окраины или за ее возвращение перестает воодушевлять нацию или вдохновлять ее правящий класс, то это верный признак утраты

ими пассионарных качеств, знак усталости, предпосылка неизбежных поражений государства.

Окраины всегда населяют инородцы, которые, в силу исторических причин, могут относиться даже к иным расам, нежели та, к которой принадлежит главный народ государства. И если окраины обживает государствообразующий народ (такой процесс свойствен прошлым эпохам, но теперь он уже невозможен, поскольку на земле не осталось незаселенных или необжитых пространств, пригодных для заселения больших человеческих масс), то из ее жителей мало-помалу складывается некий субэтнос. Его культурно-психологические особенности могут настолько сильно отличаться от качеств, присущих народу-донору, что в известном смысле, далеко, впрочем, от научной точности, можно говорить о новом народе.

Так, к примеру, в сепаратистской и либеральной русской и в иностранной прессе до сих пор муссируется версия о казачестве как особом этносе, противоположном русскому народу. Существует даже специальный закон США, в котором декларировано стремление этого государства к предоставлению казачеству, проживающему в пределах России, наряду с другими русскими этносами, политического суверенитета. Заметим, что наличие такого закона, враждебного России, и прежде и теперь само по себе делает невозможным нормальные, тем более дружественные отношения между Москвой и Вашингтоном, между Государством Российским и США. Надо ли доказывать, насколько неискренни и беспредметны любые разговоры о «дружбе» между ними?

Субэтносы, о которых здесь упомянуто, дают внешние поводы говорить о появлении нового народа: традиции, обычаи, говор, который принимают за национальный язык, антропологические особенности, свой костюм и кулинария. Даже деревенский фольклор выдается за национальное искусство - в качестве жертв подобных спекуляций можно привести так называемых украинцев, поскольку враги России на протяжении двух столетий внушали *русскому* населению Юго-Западного края лживое представление о том, что они и есть украинцы - особый народ, угнетаемый и подавляемый русскими.

Наличие центра и окраин создает материальные условия для формирования в нации имперского сознания, а у правящего слоя - имперского мышления. Что значит имперское мышление? Это значит - способность оперировать категориями пространства, времени и истории. Если эти категории, соответствующим образом представленные в литературе, а значит и в системе воспитания и образования, оказываются за пределами интереса нации или если их подменяют искусственными доктринами, как это произошло в случае с марксизмом-ленинизмом, империя утрачивает идейные основания для своего существования и рано или поздно подвергает себя риску крушения. Именно такой вывод следует из факта распада (расчленения) Союза ССР.

После 1991 года мы живем в политически распавшемся государстве.

Поэтому истинные знания о его прошлом, ценность которых состоит в том, что из них становятся ясными закономерности национально-государственного развития и основания наших притязаний, приобретают для национального сознания гораздо более важное значение, нежели когда бы то ни было. Понимание того, *что* оказалось утраченным, должно стать теперь источником консолидации Русского мира. Прежде чем русский и другие союзные ему народы начнут сообща возвращать себе Россию, свою страну, восстанавливая ее политическую и территориальную целостность, им придется сделать это сначала на теоретическом уровне, вернуть ее себе в виде своей собственной истории.

В России борьба за историческую истину всегда была частью политической борьбы с врагами русского единства, русской солидарности, русской государственности. Отнюдь не случайно одна из первых ценностей, которая была повержена на последнем этапе существования правившего Россией коммунистического режима, оказалась именно история. В каждом номере практически всех толстых журналов середины 80-х годов XX века, издававшихся миллионными тиражами, во множестве радио- и телепрограмм центральных каналов ТВ можно было обнаружить какую-нибудь пакостную статью или передачу, обливавшую Россию и ее прошлое потоком грязных измышлений. Заметим, то же самое, что делают либералы в наше время, проклиная на словах коммунистов, десятками лет творили как раз пролетарии- коммунисты, захватившие власть в России в 1917 году.

Усиленная «обработка» сознания зрителей, слушателей и читателей, стремившихся познать истину, якобы скрывавшуюся от них цензорами коммунистического режима, не могла пройти бесследно. Чем еще можно объяснить безрассудство граждан страны уже в 1991 году, когда состоялся заговор с целью разрушения Советской России (СССР). Волю миллионов парализовала ложь о России, отравившая и разложившая их сознание. И когда наступил момент для решительных действий, чтобы ликвидировать заговор и уничтожить заговорщиков, никто ничего не предпринял. Что веками не удавалось сделать над Россией силой оружия, вторжениями и интервенциями, было исполнено на протяжении 1991-1993 годов оружием клеветы.

Тысячу лет назад из-за *феодалной* и удельной раздробленности Россия, простиравшаяся тогда между Тисой и Окой, потерпела поражения от совпавших по времени интервенций татаро-монгол с Востока и германцев с Запада, утратив суверенитет на три с лишним столетия. Теперь, чтобы не допустить нового ига, русским необходимо преодолеть *либеральную раздробленность*, которая обрушилась на нее внезапно, но долго подготавливалась.

Какой части России предстоит исполнить миссию объединения всех русских земель, сплочения многочисленных русских окраин с ее *географическим* центром, рождения русской нации, пока что трудно сказать. К тому же иной раз окраина и центр меняются местами. История других стран, в которых происходили аналогичные процессы, дает парадоксальные

примеры. Освобождение Иберийского полуострова от мавров (реконкиста), продолжавшееся семьсот лет, началось с Арагона и Каталонии, расположенных на северо-востоке, прижатом к Пиренеям. Знамя преодоления государственной раздробленности Италии (рисорджименто) было поднято Пьемонтом, который располагался на северо-западной окраине Апеннин.

Все повторяется, и, быть может, движение русского освобождения и «русского рисорджименто» начнется не в *историческом* центре России, одновременно и обезлюженном в провинции и перенаселенном в мегаполисах, а на отдаленных окраинах, где, как мы видим, восстановление национального самосознания, следовательно, и понимание необходимости национального единства, происходит гораздо быстрее, чем в Москве или в Санкт-Петербурге. Русское население, проживающее на окраинах исторического Российского государства, собственной судьбой познало, к чему приводит утрата Россией ее окраин, свершившаяся в начале 90-х годов XX века, которая, как теперь становится очевидным для большей части русского населения, неизбежно ставит под вопрос существование самой России как таковой.

Без окраин у русской государственности, а значит и у русской нации, нет будущего. Но будущее не есть некая абстракция, возникающая из ничего. Будущее является результатом, продолжением, творением прошлого, соединить которые в единое целое может только настоящее. Вот почему, чтобы понять, каким должно быть будущее, во имя которого только и стоит жить, каждое поколение обязано усвоить и правильно понять прошлое.

Наши поражения, если брать проблему в целом, вытекают из предвзятости и невежества, которые овладели слишком большим числом русских людей. Увы, русские не знают вообще или знают в искаженном виде прошлое своей страны, ее истинную природу, закономерности, определявшие характер становления и развития Государства Российского, смысл исторических процессов и заметные, символические факты его истории. Что привело к такому положению вещей? Если не вдаваться в подробности, то это, с одной стороны, нерусский и антирусский характер государственной власти, чья политика вела к катастрофам, а с другой - черты русского народа.

Если под перьями вивисекторов от истории русская государственность расчленяется на множество не связанных между собой эпизодов, то в руках подлинно русских историков должна быть восстановлена цельность русской государственности, доказывающая, что ни одна окраина России не была чужда ей, и каждая из них вошла в русский мир, став ее составной, неотъемлемой и драгоценной частью.

Чем величественнее становилась пространственная определенность Российского Государства, тем ожесточеннее становились борьба с ним со стороны явных и тайных его врагов. Россия в ее естественноисторических границах, простирающихся от Вислы, Тисы, Прута и Дуная на западе до Аляски на востоке и от Шпицбергена на севере до Карса и Кушки на юге, Россия как великая держава, сверхгосударство - для них страшное явление,

предвестник Армагеддона. И поэтому отторжение от России ее окраин - их вожденная задача, против реализации которой надо бороться не только в политике, но и в исторических трактатах и в публицистике на темы русской и мировой истории.

Конечно, для подробного изложения русской истории, подлинной истории окраин России, для вытеснения из современного русского сознания искаженных представлений в этом вопросе, невозможно ограничиться одной книгой, несколькими брошюрами или десятком статей. Потребуется титанический труд. Необходимо создать новую Историю Государства Российского, которая должна продолжить дело великого русского историка Николая Михайловича Карамзина и вместе с тем превзойти его творение, опираясь на события, происшедшие с тех пор, и на факты, которые не были и не могли быть известны два века тому назад.

Русская традиция и русская революция

Русская история динамична и насыщена событиями. Россия не Китай, прошедшая тысячелетняя «недвижность» которого стала общим местом историософских рассуждений. Россия в постоянном движении. Только так ей удалось превратиться из загнанной на северо-восточный край Европы Владимиро-Суздальской земли, данницы монголо-татар до конца XV века, в великую мировую державу, Российскую империю. Смысл русских революций поэтому ничего общего не имеет с тем, что происходило под тем же названием в Европе. В отличие от Европы, каждая революция в которой ниспровергала государственность, русские революции ее укрепляли и развивали. Если Европа совершала модернистские революции, то Россия - консервативные. В русском сознании для революций европейского типа принят иной термин - смута.

В русской истории, к сожалению, имели место не только консервативные революции, являвшиеся ответами на вызовы и угрозы времени, после чего Российское государство поднималась на гораздо более высокий уровень развития, но и революции модернистские. Первая из них произошла в начале XVII века. Ее назвали «Смутным временем», и народная память предала анафеме ее активных деятелей, вроде Лжедмитрия, бунтовщиков-булавиных, тушинских воров, семибоярщины Московии, как ее пренебрежительно называли в Европе, тогдашних олигархов. Когда мы говорим о преодолении этой «смуты», то надо иметь в виду, что эту модернистскую революцию, подогреваемую папской курией, подавил сам русский народ. По собственному почину создав ополчение, изгнавшее польских интервентов и крамольников, к ним примкнувших, он восстановил в 1613 году монархическую традицию. Попытка модернистской революции, замысленная прозападным дворянством, произошла в 1825 году, но решительными мерами Николая I она, слава Богу, была подавлена в самом начале.

Происходившие в России в XX столетии революции, в результате которых с неизбежностью наступали смутные времена, также были по своей природе модернистскими. И если первую из них (ее принято связывать с событиями 1917 года) русскому народу удалось в основном преодолеть за последующие двадцать лет, и тем обеспечить России победу в Великой отечественной войне и превратить страну в мировую сверхдержаву, то вторая, ультралиберальная революция (пик ее пришелся на 1991 год), пока еще бушует на русских просторах, превращая все ценное и основательное, само русское будущее, в прах и тлен. Обе революции XX века, одну из которых принято датировать 1917 годом, вторую - 1991, вопреки их взаимному отчуждению, принципиальной несовместимости, имеют одну общую черту - отрицание Традиции, свойственной многовековой истории России.

Что значит следование традициям в жизни политического социума Московии, как ее пренебрежительно называли в Европе, прежде народа, а ныне нации? Верность традициям соединяет их будущее и их Прошлое через настоящее. Традиция придает жизни нации смысл. Следовательно, процесс преодоления традиции - это попытка нации сменить смысл своего существования в мире, смысл своего государственного бытия. Но чаще всего такой акт, именуемый революцией, оборачивается утратой национальной государственности, а вместе с государством прерывается и само национальное существование как таковое. Опыт нового времени показывает, что вне государственной формы, игнорируя государство или пренебрегая им, нация не может ни существовать, ни развиваться. Тем более такая закономерность проявляется в истории крупных, ведущих наций мира, к которым, безусловно, принадлежат и русские.

В отличие от многих мировых революций прошлого, прежде всего Английской и Французской, русским революциям XX столетия как раз свойственна именно такая тенденция. Они радикальны не только тем, что пронизывают все сферы человеческого существования, ниспровергая старый и воздвигая новый политический режим, экономический строй и государственный уклад. Они стремятся перевернуть само традиционное мировоззрение, духовный мир, который обеспечивает создание и сохранение национальной культуры.

А ведь человеческий мир, являясь частью всеобщего мира естественной природы, в свою очередь обусловлен им и не может не быть связан с нею множеством нерасторжимых нитей. И поскольку природа земли чрезвычайно разнообразна, изменчива и самобытна, то точно так же разнообразна, изменчива и самобытна природа людей, человеческих сообществ, в которых, с одной стороны, отражается и преломляется история развития природы, а с другой - она дополняется и обогащается их собственным развитием. Так сначала в человеческой истории появляются народы, обладающие самобытным образом жизни, а затем и нации с неповторимым национальным характером и собственным государством.

Народ и нация - явления одного порядка: это социумы. И все же

отождествлять их нельзя. Если *народ* - устойчивая этно-социальная группа, возникшая в результате естественноисторического развития, сложившаяся на основе племенного родства, общего языка и общности территории обитания, то *нация* - устойчивая этно-социальная, культурно-историческая и духовная общность, которая сложилась в процессе формирования современного государства и укоренения высокоразвитой экономики и культуры. Обычно нация формируется вокруг народа или группы родственных народов, несущих на себе основную нагрузку государственного строительства и создания единого хозяйственно-экономического и культурного мира. Ядром русской нации, которая находится в настоящее время в фазе становления, является русский народ, и она включает в свой состав многочисленные народы, тесно связанные с русской культурной, духовной, экономической и государственной традицией, а русским является народ, состоящий из великорусов, малороссов и белорусов, сообща сформировавших экономические, хозяйственные, общественные, культурные, духовные и государственные традиции России. Русская уникальность, отличающая ее от того, что, к примеру, имеет место в Европе, состоит в том, что ее история есть история ее государственности. Это подтверждает труд Н.М. Карамзина и мнение А.С. Пушкина. Само бытие России совершенно немыслимо вне, помимо или отдельно от полноценных государственных форм.

Отрицание, высмеивание, упразднение и уничтожение традиций в России поэтому, с одной стороны, обязательно посягают на ее государственные институты, а с другой, имеют своим объектом единственный системообразующий субстрат русской нации - русский народ. В самом деле, о какой России может идти речь, если будут утрачены традиции русской государственности, если русский народ забудет сам себя, если он потеряет собственную идентичность?

Никакая другая революция, известная современной истории, не отличалась таким радикализмом и нигилизмом, как русская революция начала XX века. Ее фундаментальной идеей было тотальное, безоговорочное отречение от традиций, от народности, от национальности, от государственности, даже от естественных особенностей природы - климата и почвы - свойственных России. Именно такая мысль превратилась в ее лозунг. Именно эта цель воодушевляла ее вождей. Именно эту задачу ставила перед собой ее интеллигенция. Слава Богу, программа, с которой социал-демократия овладела государственной властью в России, была нежизнеспособной. Ее осуществление, решительное на словах, пришлось столь же решительно опровергать на деле. Разумеется, не все, не всегда и не сразу.

Во всяком случае, оказалось отвергнутым, правда частично, мнимое право любого народа на самоопределение вплоть до отделения. Если в 1917 году с необыкновенной легкостью большевики без каких-либо видимых причин, в силу одной лишь партийной идеологии, отказались от суверенитета Российского государства над Финляндией, Карелией и Лапландией, имеющих общее официальное название Великого княжества

финляндского, то уже в 1920 году они направили свои армии на захват Польши и Бухары. А когда исчезли какие-либо иллюзии в отношении возможности «мировой пролетарской революции», бывшей одной из краеугольных марксистских догм, в пропасть которой большевики были уже готовы бросить первую «завоеванную» ими страну, то возникла объективная потребность в хозяйственном и культурном развитии России. При этом некоторые выводы «научного коммунизма» не противоречили традициям и особенностям русского государственного развития.

Что имеется в виду? Ну, хотя бы «экспроприация земельной собственности» и «обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов», о чем говорится в «Коммунистическом манифесте». Русская земля никогда в полной мере не являлась частной, а превращение земельных угодий помещий и крестьянских общин в собственность дворян и крестьян являлось главной причиной аграрных беспорядков, бунтов, восстаний, в конце концов - самой революции. Или «централизация транспорта в руках государства» и «общественное и бесплатное воспитание всех детей», о чем также указано в манифесте Маркса-Энгельса? А также ставка на крупное, централизованное производство, вообще на развитие производительных сил, на прогресс промышленности и науки? Все эти условия имели место в России имперской, традиционной, тем более они приобрели главенствующее значение в России «социалистической».

Что менее всего сохранилось в результате первой русской революции XX столетия от традиций, так это внутренний, духовный мир, система идеологический отношений, словом - политическая и художественная культура. Территориальная целостность государства была восстановлена, но понятие «Россия» оказалось упраздненным. На ее месте возник, хотя и виртуально, Советский Союз, состоящий сначала из шести, а затем из пятнадцати мнимых государств, так называемых республик. Государственное единство было обеспечено, но вместо унитарного, неделимого государственного устройства, каким являлась Российская империя, власть создала, в угоду своим предубеждениям, искусственные государственные образования, до неузнаваемости перестроив внутренние отношения в стране. Все традиционно русское, включая русский народ, было предано официальному забвению, даже запрету, его сменило «советское»: советская власть, советская литература, советский человек, советский народ.

Но никакая революция, даже если ее отличает слепой фанатизм, не в состоянии отменить устойчивые, неизменные условия самой жизни, такие как природа и климат, способы осуществления первичной по времени появления формы производства - земледелия - и систему трудовых привычек, основанную на земледелии. Прибавим к этому исторический процесс, насчитывающий никак не меньше пятнадцати веков, и возвышающийся над ним грандиозный результат совокупных усилий сотни поколений, известны как русская культура и русская цивилизация. Как ни старались большевики вытравить из русского сознания русское содержание, им это плохо удалось.

Противоречия, возникшие между субъективными идеологическими канонами и объективными потребностями, между иностранной теорией и отечественной практикой, между безжизненным словом и живым делом, между космополитизмом догмы и патриотизмом духа, между интернационализмом формы и национализмом содержания, были так или иначе разрешены в пользу объективной потребности, правда - только через 20 лет после Октябрьского переворота. Последние залпы Первой русской революции XX века прозвучали не в октябре 1917, а в 1937 году.

Вряд ли кто-то может всерьез сомневаться в том, что дальнейшее развитие России, в том числе ее выдающаяся победа в Великой Отечественной войне, последующее восстановление разрушенного на оккупированных территориях, научно-техническая модернизация 60-70-х годов, прорыв в космос, ракетно-ядерная мощь, словом - превращение России в сверхдержаву было результатом соединения русских традиций и революционной энергии, которая всегда и везде имеет своим источником большие надежды, веру масс в реальную возможность жить лучше. О каких объективно обусловленных традициях, присущих России, идет речь?

В сфере хозяйственно-экономических отношений прежде всего надо отметить очевидное преимущество, которое оказывалось обычаем, законом и властью - производителю по сравнению с посредником; заводчику, фабриканту, мастерскому по сравнению с купцом, стряпчим или ростовщиком. В русской жизни деньги никогда не играли доминирующей роли в качестве источника развития, его стимулом служили власть и обычаи. Поэтому не кредит или долг был источником капиталовложений, как это имело место в Европе, и конечно же, в Новом Свете, а накопления, не банки, не ссудные конторы, а сберегательные кассы.

На протяжении 300 лет существования русской промышленности, начало которой положила революция Петра Великого, ее основой, если угодно стержнем, всегда были крупные и средние предприятия, по преимуществу казенные, а не мелкий частный бизнес, государственная монополия, а не частная конкуренция, экономические отношения, основанные на аренде имущества, принадлежащего государству, а не на изначальной приватности, порожденной денежными спекуляциями.

Наконец, налоги. Их система исходила из того очевидного факта, что русское самосознание, отдающее предпочтение прямым налогам перед косвенными, не видит ничего выдающегося в том, чтобы возводить в гражданскую добродетель уплату налогов. Вот почему налоги уплачивали преимущественно ассоциации, юридические лица, тот же крестьянский мир, а не индивиды, лица физические. Добавим, что логика подсказывает еще одну особенность русской налоговой системы перед западной: при этих условиях ее базой должны быть не доходы, источники и размеры которых на огромных русских пространствах ни один фиск не в состоянии обнаружить, а расходы, которые невозможно сохранить в тайне. Даже если очень стараться.

В сфере политических традиций, присущих России, следует указать на отсутствие в ее истории того, что в Европе именуют гражданским

обществом, то есть системы самостоятельных институтов, отчужденных и противостоящих государственным институтам. Русское общество никогда не было и никогда не будет гражданским обществом, а русское государство - надстройкой или «ночным сторожем» при нем. Для этого у России нет главных условий, которые всегда имелись в наличии в Европе и на известном этапе в Северной Америке, - избытка денег и населения. Наоборот, Россия всегда испытывала дефицит в этих специфических ресурсах, являющихся основным материалом для строительства гражданского общества. Вот почему русская традиция состоит не в противопоставлении государства и гражданского общества, а в их слиянии, не в противоречиях между городом и деревней, таковых в России никогда не было, а в их взаимном дополнении, не в эгоистическом индивидуализме, а в преимуществах, которые приобретают различные виды коллективизма.

В личной жизни род и семья, а не индивид; не обособленный труд на свой страх и риск, а артельность; общинная форма организации поселений и соборность в государственном устройстве и управлении, где неприемлема формальная демократия, в которой интерес 51 процента перевешивает и может пренебречь интересами 49 процентов.

Наконец, безусловный авторитаризм, а если необходимо - и диктатура верховной власти, соединенная с практически ничем не ограниченным или минимально ограниченным местным самоуправлением общин. Идеал не в сухом, формальном законничестве, не в судебных тяжбах, не в правах индивидов, а в справедливости, в принципиальном, искреннем отрицании лжи, в обязанностях.

Результатом этих особенностей в России явился специфический жизненный уклад, такие социально-экономические формы существования и духовно-нравственные основы, которые отдают предпочтение не *уровню жизни*, что предполагает распространение роскоши и удовольствий, а значит и массовой нищеты на противоположной стороне, зависимых от размера доходов, а *качеству жизни*, которое определяется величиной и направлением расходов, средствами и ресурсами, концентрируемыми государственной властью.

Все до сих пор известные во всемирной истории революции не отрицали традиций - они их развивали. Они не являлись орудиями варварского разрушения, их задача была - созидать, они не ввергали политически социумы в безумие междоусобиц, их миссия - быть локомотивами истории. Русские революции, которые историкам достаточно хорошо известны, мало чем отличались ото всех остальных. Революция Ивана Третьего, покончив с политической зависимостью Руси от татаро-монголов, возродила русскую государственную независимость, революция Ивана Четвертого, преодолев княжеский удельный сепаратизм, расширила пределы государства до Тихого океана, превратив Московию в Россию, революция Петра Первого дала ей возможность стать европейской державой и вернуть себе все прежде утраченное на Западе и Юге, революция начала XX века позволила, «вопреки очевидности», построить из европейской

державы сверхдержаву.

Революция конца XX столетия, свершившаяся в России, - исключение. Вот уже почти двадцать лет она разрушает, ничего не созидая. Она не сплачивает нацию в общей борьбе, а создает бесконечные поводы для всевозможных внутринациональных конфликтов - то этнических, то территориальных, то имущественных, то религиозных, в которых погибло уже больше 10 миллионов нерожденных детей и преждевременно скончавшихся стариков (наши ужасные демографические потери). Она не раскрывает новые возможности для использования имеющихся в наличии производительных сил и интеллектуальных ресурсов, она, словно обезумевший Молох, обращает их в прах.

Что происходит? Почему историческая закономерность, предполагающая поступательные свойства революции, дала сбой, породила процесс, чреватый очевидной деградацией, разложением и распадом? Причины такой мутации, *которой вряд ли есть аналог*, следует искать не только вне русских пределов, они были выращены и в самой России. Прежде всего большие ожидания, господствовавшие в обществе в середине 80-х годов и давшие первоначальный толчок революционному движению, пробудили как социальные силы, готовые к творчеству, к положительному участию в строительстве новых отношений (как оказалось - достаточно безынициативные), так и силы, стремившиеся, и весьма активно, к одному лишь разрушению. Ожило и пришло в движение то, что было создано вопреки русским традициям: сепаратисты-чиновники, выпестованные властью в так называемых союзных и автономных республиках, этнические шовинисты, воспитанные советской школой и советским вузом, органически ненавидящие не только русское, но и «советское», наконец, расплодившийся во множестве «мыслящий пролетариат», у которого, как известно, «нет и не может быть отечества», но десятилетиями паразитирующий на стране, которую ненавидит.

Конечно, Советский Союз конца 80-х годов прошлого века принципиально отличался от исторической России, даже от той советской России, которая была победительницей во Второй мировой войне и которая вышла в космос. Проблема состояла не в «классическом» несоответствии между наличными, многократно умноженными на протяжении этого столетия «производительными силами» и обслуживающими их «производственными отношениями», не в противоречии, которое надлежало преодолеть. Не они привели систему к краху. Распад государственной власти, утрата социальной общности и их следствие - дезорганизация экономики и деградация культуры - произошли из-за того, что ведущая роль в новой русской революции досталась не интеллектуалам, а интеллигенции, хронически и неизлечимо больной ксенофилией - любовью к чужому. И если в предыдущую революционную эпоху события заставили руководящие силы страны говорить одно, а делать другое, клясться в верности мировой революции, а строить национальное государство, толковать о его скором отмирании, а на деле укреплять все его элементы, славословить марксизм, а

на практике опровергать чуть ли не все его заповеди, то теперь слова не разошлись с делами. Фантомы, дремавшие в прежнем строе, химеры, содержавшиеся в его законодательстве, призраки, бродившие в его сознании, ожили и пришли в движение, словно нечисть из гоголевского «Вия».

В Первой русской революции Ленин-политик постоянно противоречил Ленину-публицисту, а Ленин-премьер чуть ли не ежедневно опровергал Ленина-революционера. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на практику революции и ее теорию, изложенную в «Государстве и революции». Вторая революция в России, наоборот, есть буквальное воплощение того, что проповедовали ее идеологи: Гавриил Попов в «Что делать», Александр Солженицын в «Как нам обустроить Россию», Андрей Сахаров в «Проекте конституции». Каждый из этих «властителей дум» по своему был олицетворением «мыслящего пролетариата», презирающего Россию и ее традиции, являясь кумиром антисоциальной группы, состоящей из людей, получивших образование, но не научившихся профессии. Преподаватель, захотевший стать политиком, беллетрист, претендующий на роль пророка, физик-теоретик, возжелавший стяжать славу законодателя. А на самом деле они демонстрировали хаос в мыслях, неизбежно порождающий хаос в поступках.

Однако генетические разрушители, прежде всего засевшие в электронных средствах информации, могут встретить в обществе должный и организованный отпор. Раболепное влечение к чужому может сменить в сознании большинства интерес к своему. Понятию «русский» легко вернуть его подлинное значение. В голове, сердце и душе русских по происхождению, крови или воспитанию может воскреснуть «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». Политику легкомысленного и высокомерного отрицания традиций высшие институты власти могут сменить на их настойчивое, последовательное и повсеместное утверждение. Россия способна к смене сложившихся в конце XX века тенденций, русские готовят эту смену, русские способны преодолеть смуту.

Нации давно пора раз и навсегда вылечить застарелую болезнь, которая называется «интеллигенцией». И тогда у революционного процесса, покончившего со смутой и бунтом без смысла, появится возможность возродить, восстановить, усилить и возвеличить Россию. Так что ошибочно, малодушно, даже преступно полагать, что все потеряно. Ничего не потеряно, если остается традиционное для русских желание сражаться с врагами Отечества, тем более что их не так уж и мало. Как утверждал Петрарка, «жизнь человеческая на земле не просто воинское служение, а бой».

(конец ознакомительного фрагмента)